

Священник Владимир Зегнун

ДОМАШНИЕ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ 1 КОР 11:17–34

Данная статья затрагивает вопрос о месте проведения христианского богослужения во время миссионерских трудов святого апостола Павла и о сложностях, связанных с их проведением. Ссылаясь на исторический контекст, археологические изыскания и культурные традиции Римской империи, автор пытается объяснить причину возникновения в Коринфской церкви нестроений, описанных в 1 Кор 11:17–34, и приходит к выводу о том, что нестроения в Ранней Церкви логически вытекают из обычаев и быта римской знати.

Ключевые слова: Апостол Павел, Коринф, античный мегаполис, римский домус, агапа, Плиний Младший, Марциал, Вечеря Господня, домашняя церковь.

Участие в богослужении — наиболее яркое проявление религиозного чувства. Одной из форм богослужебного собрания в апостольское время была агапа, или вечеря любви. Свидетельства об агапе в Новом Завете ограничиваются лишь несколькими замечаниями (Деян 2:42, 46; Деян 20:7, 11; Иуд 1:12; 1 Кор 11:17–34), причем 1 Кор 11:17–34 считается наиболее важным свидетельством существования первохристианских агап и дает некоторое представление об их сущности.

Христианство в I веке по Р. Х. и долгое время впоследствии не имело статуса признанной религии, а значит, не могло быть и речи о наличии собственного места для проведения общественного богослужебного собрания у христиан. Следовательно, для их проведения использовались единственно доступные возможности, а именно жилые дома семей, принявших христианство. Частные дома христиан, таким образом, были первыми центрами церковной жизни.

В ходе многочисленных археологических раскопок на территории Греции, Турции и Италии были обнаружены частные дома — так называемые римские домусы (коринфская Villa at Anaploga, эфесские Terrace Houses и многие другие). Это многоуровневые здания со значительной внутренней площадью, системой подвода чистой и отвода использованной воды. В них могли проживать люди, занимающие высокое положение в обществе. Многие исследователи полагают возможным,

Священник Владимир Зегнун — магистр теологии, соискатель кафедры библеистики аспирантуры СПбДА (zegnoun.mourad@gmail.com).

что в этих или подобных этим домах могла собираться молодая христианская община¹.

Вывод о высоком общественном статусе владельцев домусов можно сделать из того, что в официальных описаниях Рима, датируемых IV в., упоминается только 1797 домусов, в то время как количество многоквартирных домов превышает сорок шесть с половиной тысяч².

Римский особняк развился из деревенской усадьбы, которая представляла собой множество помещений под одной крышей и небольшой сад, устроенные вокруг внутреннего двора с очагом. Со временем прямоугольный двор с очагом трансформировался в просторную комнату — атриум. Первоначально в центре атриума располагался очаг, и потому крыша над ним имела широкий проем — вентиляционную шахту. В эту шахту выходил дым, поднимавшийся от очага, а также через нее освещались внутренние части дома, окон в которых не было предусмотрено.

По периметру атриума располагалось множество помещений: таблиум — комната хозяина, кубикулы — спальни, триклиний — столовая и хортус — небольшой садик или огород.

В эпоху завоевания Греции римский дом претерпел некоторые изменения под влиянием греческой архитектуры. Коптящий очаг был перемещен из атриума в кухню, а его место занял небольшой бассейн для сбора дождевой воды — имплевий. Вода попадала в него из расширенной световой шахты — комплювия. Из закопченного шумного помещения атриум превратился в тихий просторный зал для отдыха и семейного общения. В греческих домах такую функцию выполнял внутренний сад — перистиль. Римляне, переняв традицию устраивать в своем жилище перистиль, соединили его с традиционным для римского жилища атриумом. Однако во многих богатых домах имелись одновременно и перистиль, и атриум. Атриум в таком случае выполнял роль центра общественных зон жилища, а перистиль являлся средоточием приватной зоны проживавшей в доме семьи.

И *Villa at Anaploga*, и *Terrace Houses* содержат в своей архитектуре все элементы классических римских домусов (особняков). Принимая во внимание то, что, несмотря на всю роскошь этих построек, все

¹ *George M. Domestic Architecture and Household Relations: Pompeii and Roman Ephesos // Journal for the Study of the New Testament* 27 (2004). P. 15–23.

² *Carcopino J. Daily life in ancient Rome: the people and the city at the height of the empire.* London, 1961. P. 36–38.

они были практически идентичны по планировке, мы выделим названные выше особняки как некоторый пример классического домуса той эпохи, и будем строить все предположения на их примере.

Лестницы внутри этих зданий указывают на то, что дома имели верхние этажи, где, вероятно, находились спальни, недоступные для посетителей. (На современных планах реконструкции обычно отражены только нижние этажи, которые представляли собой общие зоны.) Питер Шеррер, подчеркивая комфорт этих домов, уделяет особое внимание деталям, которые не могут быть переданы на планах и рисунках. Как правило, дома имели несколько обогреваемых комнат. В некоторых случаях верхние этажи были оснащены отопительной системой под полом или в стенах. Общественная сеть инженерно-технического обеспечения снабжала домусы проточной водой и обеспечивала отвод отходов из уборных. Кроме того, внутри жилищ находились колодцы и резервуары для сбора дождевой воды. Это гарантировало наличие воды для бытовых целей в случае неисправности городского водопровода. Отвод использованной воды осуществлялся по системе городских стоков, проходящей под землей³.

Указанные дома при незначительных отличиях имеют ряд типичных особенностей. Они были двухэтажными и богато убранными. В каждом из них как принципиальная особенность, помимо хозяйственных комнат и спален присутствовало два зала, отличавшихся большими размерами. Это, во-первых, триклиний — место, где проходили трапезы⁴. Вторым залом был включивший в себя элементы перистилия, наполненный светом атриум, который выполнял функции гостиной и проходной комнаты. В каждом из этих домов в центре атриума располагался имплювий. Он служил резервуаром для сбора дождевой воды, попадавшей сквозь образованную колоннадой световую шахту, а также являлся украшением зала. Эти две комнаты украшались наиболее роскошно: их стены покрывала художественная роспись, а полы — мозаика, исполненная с большим мастерством⁵.

Средний размер атриума римского домуса составлял 55 м², а средний размер триклиния — 25 м². Часть площади обоих залов занимали обеденные ложа и иные предметы интерьера, а имплювию была отведена достаточно большая часть атриума.

³ Scherrer P. Ephesus: The New Guide. 2000 P. 110.

⁴ Erdemgil S. The Terrace Houses in Ephesus. Istanbul, 1988. P. 45 –47.

⁵ Ibid. P. 47 –48.

Принимая все это во внимание, можно заключить, что даже если бы гости агапы сидели рядом друг с другом на ложах, а не возлежали, как предписывала традиция, то все равно триклиний не смог бы вместить в себя больше двадцати человек, а, следовательно, оставшаяся часть общины должна была бы расположиться в атриуме. Было бы удивительно, если бы в доме могли с комфортом расположиться хотя бы тридцать гостей⁶.

Мы не обладаем точной информацией о количестве христиан в той или иной общине, однако можем предположить примерное их количество в крупных городах империи, таких как Коринф или Эфес.

Из посланий святого апостола Павла нам известны имена четырнадцати членов христианской общины мужского пола в Коринфе. Предположим, что, как и Акила, все эти люди были женаты. Тогда получается минимум двадцать восемь человек. Однако ни апостол и евангелист Лука, ни святой апостол Павел не стремились указать всех членов Церкви; очевидно, что упомянутые имена названы лишь ввиду обстоятельств, и это также свидетельствует в пользу того, что христиан в Коринфе было больше. Кроме того, в Деяниях⁷ упоминается Крисп, который крестился сам и «со всем домом своим», в первом Послании в Коринф упоминается Стефан, который также крестился со всем своим домом⁸. Следовательно, к имеющейся цифре следует добавить неопределенное количество детей и других родственников, а также слуг и рабов. Таким образом, приблизительное количество членов Церкви в Коринфе, а по аналогии и в других мегаполисах империи, должно насчитывать минимум около пятидесяти человек⁹.

И здесь возникает вопрос: где разместить столько людей для евхаристического собрания? Даже произведенные выше простые подсчеты площадей общих пространств в римском домусе делают ясным, насколько проблематично было собрать всех членов общины в одном помещении, несмотря на просторность этих домов. Организация пространства в традиционных домусах делала неизбежным разделение общины. Причем те, кто находился в прогретом обеденном зале, чувствовали себя намного комфортнее, чем те, кто находился там, куда поступал холодный воздух

⁶ *Smith, Dennis E.* Social Obligation in the Context of Communal Meals: A Study of the Christian Meal in 1 Corinthians in Comparison with Graeco-Roman Meals. Harvard University, 1980.

⁷ Деян 18:8.

⁸ 1 Кор 1:16; 16:15.

⁹ *Murphy-O'Connor J.* Paul: a Critical Life. Oxford University Press, 1998. P. 277 –278.

из световой шахты. Верующие были разделены на тех, кто получал лучшее, и тех, кто довольствовался малым. Тот факт, что не все присутствовавшие на литургическом собрании христиане могли расположиться в комфортном триклинии, заставляет предполагать разделение общины на две категории. Привилегированные члены общины удобно возлежали в триклинии с хозяином дома, в то время как остальные должны были находиться в атриуме. Вероятнее всего, состоятельный хозяин дома часто заботился о том, чтобы в первую очередь с комфортом разместить членов общины одного с ним социального класса: тогда он мог ожидать аналогичного отношения и к себе, когда его друзья принимали литургические собрания в своем доме.

Такое разделение влекло за собой еще одну проблему, на которую также указывает апостол Павел в своем первом Послании в Коринф¹⁰: один бывает голоден, в то время как другой упивается. Эту разницу проще всего объяснить римским обычаем особым образом принимать гостей, предлагая им закуски и напитки согласно их социальному статусу.

Древний город Коринф в 146 г. до Р. Х. был разрушен, а восстановлен лишь спустя век, в 44 г. до Р. Х., Юлием Цезарем — как римская колония. Жителями восстановленного Коринфа стали не потомки прежних жителей — греки, а римляне и представители других народностей. Почти все жители Коринфа говорили не по-гречески, а на латыни, повсеместно вводились римские обычаи и уклад.

Обычай подавать различную еду разным «категориям» гостей отмечается во многих памятниках. Так, например, известный римский писатель и политический деятель Плиний Младший в своих письмах приводит следующие строки:

«Долго доискиваться, да и не стоит, как случилось, что я, человек совсем не близкий, оказался на одном обеде, хозяин которого, по его собственному мнению, обладал вкусом и хозяйственным толком, а по моему, был скуп и в то же время расточителен. Ему и немногим гостям в изобилии подавались прекрасные кушанья; остальным плохие и в малом количестве. Вино в маленьких бутылочках он разлил по трем сортам: одно было для него и для нас, другое для друзей попроще (друзья у него расположены по ступенькам), третье для отпущенников, его и моих; ты не мог выбрать и не смел отказываться...»¹¹

¹⁰ 1 Кор 11:21.

¹¹ Плиний Младший. Письма 2:6. // Письма Плиния Младшего: Книги I–X. М.: Наука, 1982. С. 28.

Высмеивая эту же порочную практику римских горожан, сатирик I века Ювенал написал свою пятую сатиру. Она вся посвящена унижению, которое испытывают гости, приглашенные за стол к патрону:

«...Вот еще раб — с какой воркотней протянул к тебе руку

С хлебом, едва преломленным: как камни куски, на них плесень,
Только работа зубам, откусить же его невозможно.

Но для хозяина хлеб припасен белоснежный и мягкий,
Тонкой пшеничной муки. Не забудь сдержатъ свою руку,
Пусть сохранится почтенье к корзине!

А если нахален

Будешь,— заставят обратно тебя положить этот хлебец:
Дерзок ты, гость, не угодно ль тебе из обычных корзинок
Хлеб выбрать да запомнить, какого он цвета бывает» <...>

Глянь, какой длинный лангуст растянулся на блюде всей грудью!
Это несут «самому». Какой спаржей он всюду обложен!
Хвост-то каков у него! Презирает он всех приглашенных

При появлении своем на руках долговязого служки.

Ставят тебе — похоронный обед: на крошечном блюде
Маленький рак, а приправа к нему — яйца половинка.

«Сам»-то рыбу польет венафранским маслом, тебе же,
Жалкому, что подадут? Лишь бледный стебель капустный с вонью
лампадной...»¹²

Этот же самый обычай описан в эпиграммах римского поэта Марциала:

«Если обедом меня, не подачкой, как прежде, прельщаешь.

Что ж не такой же обед мне подают, как тебе?

Устриц себе ты берешь, упитанных в водах Лукрина,

Я же ракушки сосу, рот обрезаю себе;

Ты шампиньоны жуешь, а я свинухом угощаюсь,

С камбалой возишься ты, я же лещами давлюсь;

Ты набиваешь живот золотистого голубя гузкой,

Мне же сороку на стол, сдохшую в клетке, кладут.

Что ж это? Вместе с тобой без тебя я обедаю, Понтик?»¹³

¹² Ювенал. Сатира V, строки 67–87. // Римская сатира / Сост. и научн. подг. М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1989. С. 264.

¹³ Марциал. Эпиграммы. Книга III, 60. // Марциал М. В. Эпиграммы. М.: Художественная литература, 1968. С. 101.

Итак, мы видим, что подобная практика широко описана в литературе — что говорит о ее действительно широком употреблении.

Многие состоятельные горожане не брезговали подобным способом показать свой утонченный вкус, предлагая весьма изысканные закуски, и в то же время проявить финансовую экономию, предлагая эти блюда далеко не всем своим гостям. Возможно, хозяин дома, где проходила агапа, также предлагал разные блюда и разное их количество в триклинии и атриуме.

Стоит также учесть, что хозяин дома и его друзья принадлежали к праздному классу и ввиду этого могли приходить на собрания раньше (что давало им возможность есть лучшие блюда и в больших количествах), чем верующие, не являвшиеся хозяевами своего времени — ремесленники, торговцы, наемные работники, слуги и рабы. И такое разделение в общине не могло оставаться незамеченным и не вызывать нареканий у притесняемой части верующих, и, естественно, у самого апостола Павла.

Увещевание святого апостола Павла христианам Коринфа ожидать и других членов церкви¹⁴ — ἀλλήλους ἐκδέχεσθε («друг друга ждите») говорит нам о том, что ἰδίου δεῖπνον («свою пищу»)¹⁵ — имеет временную коннотацию. Некоторые начинали трапезу, не дожидаясь остальных. Хозяева дома и другие состоятельные члены общины, те, за чей счет приобреталась снедь для агапы, возможно, видели в братской трапезе ἰδίου δεῖπνον. Ввиду укорененности описанного римского обычая они, вероятно, полагали возможным выбирать за трапезой лучшие блюда для себя. Столь эгоистичное поведение приводило к тому, что для «неимущих» не оставалось ничего, кроме евхаристического хлеба и вина. И потому апостол Павел, обращаясь к общине, говорит, что такое собрание не является «вечерей Господней»¹⁶¹⁷.

Возможно, что собрания, на которых собиралась «вся церковь», были событием исключительным. Исследователь Роберт Бэнкс отмечает, что прилагательные «целая» и «вся» не требовались бы, если бы христиане в Коринфе составляли лишь одну-единственную группу, и это может указывать на то, что, вполне возможно, в одном крупном городе могло

¹⁴ 1 Кор 11:33.

¹⁵ 1 Кор 11:21.

¹⁶ 1 Кор 11:20.

¹⁷ *Murphy-O'Connor J.* St. Paul's Corinth. Liturgical Press, 2002. P. 161.

существовать несколько локальных групп христиан, которые вместе образовывали городскую христианскую общину¹⁸.

Согласно этой теории, не следует отождествлять «целую церковь»¹⁹ и «церковь домашнюю»²⁰.

Вероятнее всего, церковь в том или ином доме являлась составной частью более крупного образования. Такая домашняя церковь, должно быть, состояла из нескольких семей, живших поблизости, и их слуг. Подобные ячейки служили развитию близких семейных отношений внутри каждой социальной группы, однако в то же время могли являться и причиной обособления и внутренних разделений в пределах более широкой группы²¹.

Вероятно, церковные партии, упоминаемые апостолом Павлом²², встречались регулярно, и такая относительная обособленность способствовала развитию разных богословских отношений к тем или иным вопросам, что впоследствии становилось причиной волнений и недопониманий внутри Церкви.

Невозможность регулярно собирать всю церковь в одном месте представляется убедительной причиной в попытке объяснить противоречия в Церкви Коринфа. Без чувства соборности агапы в Коринфе, как мы видим, переставали быть выражением любви и единства. Охлаждение христианской любви проявлялось здесь в замкнутости, в самоотделении от общины, в нежелании разделить приносимое с бедными. Это приводило к двум главным бедам, на которые и указывает апостол. Во-первых, такое поведение являлось нарушением церковной традиции и унижением неимущих, то есть пренебрежением Церковью Божией. Во-вторых — вело к уничтожению самого таинства Евхаристии ввиду обжорства и пьянства. Внешние формы и строй агап несли благодатное освящение, потому что являлись выражением глубокой идеи христианского единства со Христом через любовь друг ко другу. Через внешнюю форму верующие получали благодать Духа Святого, она же служила организующим началом их внутренней духовной жизни. Коринфские христиане грешили тем, что нарушали единство духа, отделяясь от общего

¹⁸ Banks R. Paul's Idea of Community. Paternoster Press, 1980. P. 38.

¹⁹ Рим 16:4; 1 Кор 14:23.

²⁰ Рим 16:23.

²¹ Banks R. Paul's Idea of Community. P. 39.

²² 1 Кор 1:12.

собрания на трапезах. Подобные разделения вели к последовательному расстройству духовной жизни.

Безусловно, подобная реконструкция является гипотетической, однако она аргументированно и с достаточной полнотой объясняет детали замечаний апостола Павла к Коринфской общине²³.

Источники и литература

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: РБО, 2006.
2. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / Под ред. А. А. Алексеева. СПб.: РБО, 2006. 1405 с.
3. Письма Плиния Младшего: Книги I –X / Подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. Изд. 2-е, перераб. М.: Наука, 1982. 407 с.
4. Римская сатира: Пер. с лат. / Сост. и научн. подг. текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1989. 543 с.
5. *Марциал М. В.* Эпиграммы: Пер. с лат. Ф. Петровского. М.: Художественная литература, 1968. 487 с.

Литература

6. *Banks R.* Paul's Idea of Community. Paternoster Press, 1980. 256 p.
7. *Carcopino J.* Daily life in ancient Rome: the people and the city at the height of the empire. London. 1961. 368 p.
8. *Erdemgil S.* The Terrace Houses in Ephesus. Istanbul, 1988. 64 p.
9. *George M.* Domestic Architecture and Household Relations: Pompeii and Roman Ephesos // Journal for the Study of the New Testament 27 (2004).
10. *Murphy-O'Connor J.* Paul: a Critical Life. Oxford University Press, 1998. 432 p.
11. *Murphy-O'Connor J.* St. Paul's Corinth. Liturgical Press, 2002. 241 p.
12. *Scherrer P.* Ephesus: The New Guide. Istanbul: Ege Yayinian, 2000. 250 p.
13. *Smith, Dennis E.* Social Obligation in the Context of Communal Meals: A Study of the Christian Meal in 1 Corinthians in Comparison with Graeco- Roman Meals. Harvard University, 1980. 307 p.

²³ 1 Кор. 11:17–34.

Priest Vladimir Zegnun. House Churches in the Context of 1 Cor 11:17–34

In this article, the author considers the question of the location of Christian worship during the missionary journeys of Apostle Paul and the various difficulties that were encountered in organizing worship space. Citing historical context, archaeological evidence, and the cultural traditions of the Roman Empire, the author attempts to explain the reasons behind the disciplinary problems described in 1 Cor 11:17–34. He concludes that disciplinary problems in the early Church arose logically from the customs and traditions of the Roman nobility.

Keywords: Apostle Paul, Corinth, ancient cities, Roman domus, agape, Pliny the Younger, Martial, Lord's Supper, house church.

Priest Vladimir Zegnun – Master of Theology, Postgraduate student of St. Petersburg Theological Academy (zegnoun.mourad@gmail.com).